

Из истории эпитета

А. Н. Веселовский. Историческая поэтика.
М., "Высшая школа", 1989

Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании¹, то это не будет преувеличением. И не только стиля, но и поэтического сознания от его физиологических и антропологических начал и их выражений в слове -- до их закрепощения в ряды формул, наполняющихся содержанием очередных общественных мирозерцаний². За иным эпитетом, к которому мы относимся безучастно, так мы к нему привыкли, лежит далекая историко-психологическая перспектива, накопление метафор³, сравнений и отвлечений, целая история вкуса и стиля в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного. Если бы эта история была написана, она осветила бы нам развитие эпитета; пока хронология эпитета может послужить материалом будущего, более широкого обобщения. Польза такой хронологии стоит в прямой зависимости от богатства и разнообразия данных, находящихся в руках собирателя; я не могу похвалиться ни тем, ни другим и потому даю лишь наброски, ставлю вопросы и прошу дополнений.

Эпитет свойствен и поэзии, и прозаической речи; в первой он обычнее и рельефнее, отвечая поднятому тону речи. Хельги возвышается над другими витязями, как *благородный* ясень над терновником, -- как *росою увлажненный* телец над стадом, впереди которого он бежит. (<"Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга", 36>); Сигурд сравнивается с *благородным* или *зеленым* пореем, *блестящим* (драгоценным) камнем, *высоконогим* оленем, *красным* золотом (<"Первая Песнь о Гудрун", 18; "Вторая Песнь о Гудрун", 2>)⁴. Вот общий тип эпитета.

Эпитет -- одностороннее определение слова, либо подновляющееся его нарицательное значение" либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета⁵. Первый род эпитетов можно бы назвать *тавтологическими*: *красна девица*, например, в сущности тавтологическое, ибо и прилагательное и существительное выражают одну и ту же идею света, блеска, причем в их сопоставлении могло и не выражаться сознание их древнего содержательного тождества⁶. См. еще: *солнце красное*, *жуто злато* (серб.), *белый свет*, *грязи топучие* и др.

Второй отдел составляют эпитеты *пояснительные*: в основе какой-нибудь один признак, либо 1) считающийся существенным в предмете, либо 2) характеризующий его по отношению к практической цели и идеальному совершенству. По содержанию эти эпитеты распадаются на целый ряд групповых отличий; в них много переживаний, отразились те или другие народно-психические воззрения, элементы местной истории, разные степени сознательности и отвлечения и богатство аналогий, растущее со временем.

Говоря о существенном признаке предмета как характерном для содержания пояснительного эпитета, мы должны иметь в виду относительность этой существенности.

Возьмем примеры из народной поэзии. Белизна лебеди, например, может быть названа ее существенным признаком, как и *у́ров ѓдор* (<"Одиссея">, IV, 458), что нам казалось бы излишним; но ст.-фр. *escut bucler* <чит с шишкообразной выпуклостью в центре> (<"Песнь о Роланде", 526>) характеризует щит не со стороны его крепости или формы, а по выпуклому, обыкновенно украшенному возвышению в середине; "руино вино" <красное вино> сербской песни отзывается случайностью подбора (Гом<ер>: *αἶθροϋ* <огненное>, реже *μέλας* <черное>, *έρυθλος* <красное>; ит. *vino negro* <черное вино>), ее "честити пар", "бјели двори", "вода ладна", "ситна мрежа"; "ступистая лошадушка", "тихомерные беседушки" (Барсов. Причит.), "стоны белодубовые", "ножки резвые", "ествушка сахарная" и т.п. наших былин указывают на желаемый идеал: коли царь, то честитый, стол бело дубовый, стало быть, хороший, крепкий.

Отсюда пристрастие к эпитету "золотой": у Асвинов колесница, и ось, и сиденье, и колеса, и вожжи -- золотые, у Варуны золотой панцирь, у Индры громовые стрелы и жилище из золота⁷; "Слово о полку Игореве" говорит о "златом столе", златом седле и т. д.; в малорусских народных песнях являются золотые столы, ножи, челнок, весло, соха, серп и т. д.; в литовских: кольцо, шпоры, подковы, стремя, седло, ключи {Указаниями на эпитеты литовской и латышской народной поэзии я обязан любезности Э.А. Вольтера. Другие сообщения из области эпитета сделаны были мне Л.Н. Майковым, В.Е. Ернштедтом и Ф. де ла Бартом.}. У древних германцев золото -- принадлежность богов, серебро -- героев; железо